

Рррдор

Вечерний ветерок шепотом потревожил нежные зеленые листья столетнего дерева и растрепал темные волосы на макушке Сефаидона. Ослабив тетиву лука, херувим обернулся, чтобы рассмотреть своего спутника. Купидон, чьи светлые глаза были немного скрыты за круглыми розовыми щеками, нервно хлопал крыльями, постукивая пухлыми пальцами по ветке. Он тоже высматривал жертву, стиснув челюсти. Его веки припухли, а глаза покраснели от напряженного взгляда, направленного вниз.

Казалось, ни одно из человеческих лиц не было отмечено знаком страшной тайны... Однако придется выбирать. Вот-вот наступит нужный момент, и два херувима не имели права уйти без выстрела.

— Ну что, ты определился? В кого я стреляю?

Если бы у подножия дерева сидел какой-нибудь мечтатель и собирался задремать, то до него с высоких ветвей долетел бы гнусавый, яростный голос Сефаидона, похожий на неправдоподобный щебет тропической птицы. Но только мелодия ветра в вет-

вах достигала ушей бдительных прохожих, которые беззаботно прогуливались по парку в этот прекрасный весенний день.

Уверенно наложив стрелу обратно, Сефаидон увидел небольшую группу детей, по щиколотку увязших в песочнице и радостно играющих под присмотром родителей. Такие юные создания иногда ощущали их присутствие, поэтому лучше всего было оставаться скрытыми в густой листве клена. Их задача не становилась легче.

Херувим бросил взгляд на нескольких рекламщиков, идущих по соседней дорожке. Он посмотрел на высокого лысого мужчину с рыжей бородой, на бабушку, которая не сводила глаз со своих ног, и на молодую женщину, которая была на последнем сроке беременности. неподходящие кандидаты.

Купидон, стоящий в напряжении из-за ожидания, крепче ухватился за засохшую кору дерева, и она рассыпалась между его пальцами. Все напряжение, заключенное в его маленьком теле, хлынуло наружу, как вода через прорвавшуюся дамбу:

— Это все твоя вина, Сефаидон! Именно ты потерял служебное предписание! Будь ты неладен, если мы выберемся отсюда невредимыми, клянусь, я убью тебя!

— Я виноват? — сказал взбешенный Сефаидон. — И это после того, как ты заставлял меня прикрывать твои выходы?

— Почему я должен искать для тебя подходящую жертву? Это было твое служебное предписание, твоя ответственность!

Сефаидон позволил ветерку растрепать его перья, прежде чем ответить серьезным голосом:

— Мы — команда, Купидон, не забывай об этом. Если я упаду, ты тоже упадешь. Ты гораздо лучше меня умеешь распознавать кандидатов. Ты должен найти жертву. Или, может быть, ты предпочтешь, чтобы я пошел и рассказал им, почему потерял слухебное...

— Тш-ш-ш-ш!

Купидон торопливым жестом заставил его замолчать, а затем указал пальцем на землю.

Двое молодых людей держали за руки маленького мальчика, которому едва исполнилось пять лет, и раскачивали его туда-сюда под восторженные возгласы.

Купидон, сидя на своей ветке, задрожал, не сводя глаз со своей добычи.

— Я поймал тебя! — пробормотал он себе под нос, а затем добавил более громко: — Стреляй в маленького, давай! Сейчас, пока не поздно!

— В маленького? — повторил Сефаидон, недоумевая.

Купидон чуть не потерял остатки самообладания:

— Тебе нужна была жертва? Вот она! Не задавай вопросов, просто стреляй!

Влажные от пота пальцы Сефаидона сомкнулись на тетиве. Он поджал губы, поправил лук, прицелился в сердце своей жертвы и подождал, пока утихнет ветерок, прежде чем выстрелить.

Наклонившись к его уху, Купидон прошептал:

— Не промахнись, иначе я сломаю тебе крыло.

Сефаидон сосредоточился еще сильнее. Не то чтобы он боялся за свои крылья, они были очень крепкими. Но в словах Купидона отразилась гораздо более страшная угроза, нависшая над ними с начала

времен, одной мысли о которой было достаточно, чтобы наполнить его ужасом...

— НЕТ! НЕ ТУДА!

Сефаидон испугался. Стрела выскочила. Сердце бешено колотилось, и он повернулся лицом к разгневанному Купидону:

— Но почему ты... — заговорил он.

— В МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА! — крикнул его спутник. — А НЕ В МАЛЫША!

— Но... — запнулся растерянный Сефаидон, — ты же говорил мне о маленьком! Если ты говоришь мне о маленьком, указывая на маленького и еще более маленького, то логичнее, что я буду целиться не в просто маленького, а в самого маленького, верно?

— Ах ты пернатый! — прорычал Купидон. — Мы практически уже со всем разобрались, а ты все портишь, потому что не знаешь разницы между маленьким человеком и ребенком! Тебе не поздоровится, Сефаидон, не поздоровится! И мне заодно...

Купидон перевел дыхание и присел на ветку, с которой слетел, охваченный раздражением. На его лбу выступили капельки пота.

— Полагаю, ты не знаешь, куда полетела стрела?

Заметив беспомощный взгляд Сефаидона, Купидон начал причитать так, как умеют только херувимы: он схватил кончик своего левого крыла и, поглаживая его по направлению роста перьев, со стоном описал свою судьбу:

— Мне конец, я пустое место... Я погружусь в ночь, буду падать вечно, и мое падение будет так велико и ужасно, что я потеряю все свои перья, одно за другим... Когда они узнают, что мы сделали... По-

тому что туда мы и вернемся! — добавил он, заметив серьезное выражение лица Сефаидона.

— Прятаться абсурдно, но... скрывать правду — нет, — сказал он, нерешительно улыбаясь.

В его глазах блеснула надежда. Купидону это не понравилось. Он ерзал на ветке, чувствуя себя неловко.

— Что ты имеешь в виду?

— Им не обязательно знать, что произошло. Не все новички выживают...

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Конечно, понимаешь. Все, что нам нужно сделать, — это связаться с ним... пусть он все скроет...

Одним лихорадочным движением Купидон отщипнул одно из своих перьев и зажал его между зубами, после чего стал нервно покусывать.

— Не сработает, — шепчет он.

— Нет, сработает. У нас нет выбора, — ответил Сефаидон. — У нас нет выбора...

1

Желание

Черный у корня и седой на кончике волосок зашевелился. Он двигался, послушно вторя нервным движениям угловатого подбородка, на котором крепко держался. Его владелица, мадемуазель Пише, одетая в плохо пошитый костюм, замерла в ожидании. Она ждала ответа, который Брисеида не могла ей дать.

Весь день Брисеида искала подходящее объяснение, такое, которое удовлетворило бы суровый ум ее шестидесятилетней учительницы. Но, когда пожилая леди скрипнула каблуками, остановившись напротив шаткого стола в конце класса, Брисеида не смогла придумать, что сказать.

— Мадемуазель Ричетти?

Резко взмахнув рукой, Брисеида поставила стол на место, который ее подруга Аликс, высокая девушка-панк, чья голова была наполовину выбритой, продолжала нервно двигать. Ее взгляд переместился с волоска на толстые очки. Брисеида видела собственное

отражение: каштановые кудри, ореховые глаза, мелкие веснушки на слишком бледном и круглом, по ее мнению, лице.

— Мадемуазель, у меня нет времени на ваши глупости, — резко добавила учительница.

— Это не глупости, — запротестовала Брисеида. — Я прекрасно осознаю, что делаю.

У Брисеиды перед глазами учительница потрясла анкетой. На листе бумаги размашисто перечислялся ряд специальностей: юриспруденция, медицина, литература, экономика и многие другие, сопровождаемые длинными кодами.

Брисеида снова обратила свое внимание на покрасневшее лицо мадемуазель Пише: у нее защемило сердце.

— В списке нет подходящего кода, — объяснила Брисеида, выпрямившись на своем стуле.

— Как это понимать?

— Что я собираюсь сделать со своей жизнью, невозможно расписать. Вы не можете наклеить на мою жизнь ярлык и не можете оценить ее.

— Нет? — с сарказмом произнесла учительница.

— Нет.

Брисеида скрестила руки на груди, чтобы придать себе больше уверенности. Она не подпишет ордер на собственный арест. Конечно, она понимала, что это всего лишь опрос со стороны школьной администрации. Это ни к чему ее не обязывало. Но разве ее свобода не начиналась со свободы самовыражения? Разве она не должна протестовать против такого систематического расклеивания ярлыков на будущие поколения?

Да, безусловно должна.

— А что вы собираетесь делать, когда окончите школу?

Брисеида потеряла дар речи. Страшный вопрос. Как только в разговоре поднимался этот вопрос, ее скудные аргументы всегда распадались.

Сморщенные губы мадемуазель Пише слегка скривились. Она начинала терять терпение.

— Хорошо! Послушайте, мадемуазель Ричетти, — взорвалась она, — если вы хотите быть бродягой, то это ваша проблема, но по крайней мере имейте уважение и не тратьте наше время. Только представьте, что было бы, если бы мне пришлось учитывать чувства более чем двух тысяч учеников!

По комнате прокатилась волна веселого ропота. Учительница снова повернулась к своей аудитории. Ученики подняли головы, их ручки повисли в воздухе.

— Не так уж это и сложно — поставить галочку! У вас был целый год, чтобы подумать о своем будущем. Через три месяца будет уже слишком поздно. Учтите, не только у вас большие амбиции: мой пятилетний внук сказал мне вчера, что хочет стать межзвездным пиратом. Я сомневаюсь, что он найдет подходящий код!

По классу пронеслась волна шепота, раздался смех. Брисеида резко встала. Она надеялась, что на нее снизойдет внезапное вдохновение, но смогла лишь, заикаясь, сквозь стиснутые зубы произнести слова:

— Старая дура.

Мадемуазель Пише обернулась. Аликс начала громко жевать свою жвачку, но учительница, сосредоточившись на Брисеиде, ничего не сказала. Медленно грудь мадемуазель Пише наполнялась воздухом, а вместе с ней и конфетно-розовый пузырь Аликс.

Наступило ровно пять часов. Прозвенел звонок. Брисеида вздрогнула, и ее стул, который шатко стоял на ножках, потому что она встала слишком быстро, с громким треском упал назад.

Учительница издала небольшой возглас удивления, Аликс икнула, и пузырь лопнул ей в лицо. Мадемуазель Пише возмущенно подняла палец, но шум спешащих к выходу учеников уже заглушил ее голос.

— Она принесет вам свою анкету завтра, я обещаю, — заверила Аликс учительницу, приняв важный вид и потянув подругу за рукав, увлекая ее в водоворот учащих, выплывающих в коридор, прежде чем она успела вставить свои десять копеек.

— Ты бы видела ее лицо! — смеялась Брисеида, выбегая во двор. — Когда я назвала ее «старой душой», — расхохоталась она.

— Тебе следует быть с ней помягче, — улыбнулась Аликс, — она не создана для таких больших мечтателей, как ты, бедняжка. Такими темпами до конца года ее разорвет на куски.

— Ей нужно продержаться еще несколько месяцев. И в таком моем поведении тоже есть ее вина. Вот увидишь, она не намерена так просто сдаваться, уже завтра она возьмется за старое!

— Все наладится, когда ты вернешь ей свою анкету.

— Ты шутишь? Разумеется, я не отдам ей анкету.

— Она отправит тебя к директору.

— Пусть попробует, и тогда я объясню ему, как эта дура...

— Что ты ему скажешь? — перебила Аликс, надевая свои черные варежки.

Брисеида остановилась.

— В чем дело? Что я такого сказала?

— Брисеида, не стоит идти к директору школы и просить его, чтобы он надрал уши учительнице. Так же как и не стоит идти к президенту и просить его изменить мир. Мадемуазель Пише права: ты живешь в волшебной сказке.

— Но... Может быть, я этого и хочу, просто жить в сказке...

Аликс закатила глаза.

— Чего? — воскликнула Брисеида. — Ты предпочитаешь, чтобы мой мир разбился и...

— Неужели ты не можешь хотя бы раз притвориться, что принадлежишь этому миру? Ты не любительница играть со своей жизнью, уж я-то знаю.

— Я лишь намекаю на то, что за пределами этого списка может быть что-то еще...

— Возможно, что-то другое, да. Волшебная сказка — нет. — Брисеида выдавила из себя недоверчивую улыбку: — Ты покрываешь свое тело татуировками, делаешь пирсинг, но злишься на меня за то, что я пытаюсь выйти за рамки общества?

— Не нужно валить все в одну кучу, Брисеида. Мои потребности исходят из серьезных идеологических принципов, которые соответствуют современному социокультурному окружению. Мой жизненный принцип хорошо обдуман.

— Но мне нужно время, чтобы подумать!

— До каких пор? Никто и никогда не смог обеспечить себе хорошее будущее, оставаясь в Стране чудес. Вылезай из своего кокона, старушка, я не всегда буду рядом, чтобы защитить тебя. Seriously, все, что тебе нужно, — это белый кролик!

— Но не...

— Выбирай для себя такую работу, которая тебя не напрягает и хорошо оплачивается, и *тогда* ты сможешь задать себе все вопросы, которые захочешь. Учеба — это долгий процесс, и ты не будешь вечно молодой. Все, что тебе нужно сделать, — это согласиться поступить куда-либо. Подумаешь, большое дело!

Прежде чем Брисеида успела ответить, Аликс полезла в сумку за анисовой палочкой. Она решила бросить курить несколько месяцев назад и каждый день сопротивлялась искушению выкурить хотя бы еще одну сигарету. Она притворилась, что зажигает кусочек дерева воображаемой зажигалкой, и с невозмутимым видом выпустила невидимый дым в лицо Брисеиды.

— Нужно пойти на компромисс, моя дорогая.

— Моя жизнь не будет состоять из компромиссов, — решительно ответила Брисеида.

И она повернулась на каблуках и зашагала прочь, спрятав ладони в рукава своего простого джемпера.

— У тебя не будет выбора, — сказала Аликс ей вслед. — Если ты хочешь выжить в этом мире, тебе придется адаптироваться!

Брисеида ускорила шаг. Ее пыльно-желтая сумка, висящая на плече, соприкасалась с джинсами при каждом шаге.

— Они ошибаются, а ты — нет, — повторяла она про себя, вышагивая по асфальту.

В своей волшебной сказке она бы стала настоящей героиней. У нее был выбор. У нее *должен* быть выбор.

И все-таки...

Погруженная в свои мысли, она даже не заметила, как вошла в парк. Что может искать восемнадца-